

АРМЕНИЯ В IV В. (К ВОПРОСУ УТОЧНЕНИЯ ТЕРМИНОВ «АРМЕНИЯ» И «ВЕРНОСТЬ»)

Н. Г. ГАРСОЯН

Профессор Колумбийского ун-та (США)

Армянская история периода христианских Аршакидов являлась предметом внимания многих исследователей¹. Ряд проблем истории IV и начала V вв. получил удовлетворительное решение, и тем не менее многие важные аспекты этого периода остаются невыясненными.

Прежде всего хронология этого периода, в какой-то мере опирающаяся на дату официальной христианизации страны, нуждается в пересмотре. Данные армянских и классических источников часто резко противоречат друг другу и по-разному освещают одни и те же факты. Наконец, тон самих армянских источников существенно меняется на протяжении этого периода. В частности чрезвычайно интересна явная «ненависть» армянских источников к армянскому же (Аршакидскому) царствующему дому, в особенности к Аршаку II и Папу,—факт совершенно необъяснимый, если читать эти труды как национальную историю².

Ряд факторов также обусловил направление исследований этого периода.

Наше толкование события зависит от армянских источников. Вольно или невольно картина, нарисованная Павстосом Бюзандом или Мовсесом Хоренаци, отражает их собственные идеалы—единую, объединенную Армению, противостоящую угрозе зороастрийской Персии. Они говорят об едином царстве, часто предаваемом отдельными вероломными нахарарами, такими, как Меружан Арицруни, предшественник Васака Сюни. Они подчеркивают единство армянской церкви, даже

¹ См. напр. Baynes N. H. „Rome and Armenia in the Fourth Century“, *English Historical Review*, XXV (1910) перепеч. в *Byzantine Studies and other Essays* (London, 1955); Peeters P., „Le début de la persécution de Sapor d'après Fauste de Byzance“, *Revue des études arméniennes*, I (1920) и „L'intervention politique de Constance II dans la Grande Arménie“, *Académie Royale de Belgique Bulletin Classe des Lettres*, XVII (1931) обе перепеч. в *Recherches d'histoire et de philologie orientales*, 2 vol. (Bruxelles, 1951); Մանանդյան Հ., Քննական տեսություն հայ ժողովրդի պատմության ներքին, 1957, հ. II, ժ. II, Անանիան Գ. «Մ. Գրիգոր Լուսավորչի ձեռնադրության քաղաքական և պարզահերթ», «Բաղմազեպ», CXVII—CXVIII (1959—1960), переведенное в *Le Museon*, LXXXIV (1961), van Esbroeck M., „Chronique“, *Anatecta Bollandiana* LXXX (1962); Garsolan, N., „Quidam Narseus — A Note on the Mission of St. Nerses the Great“, *Armeniacae* (Venezia, 1969) и др.

² Garsolan, N., Politique ou orthodoxe? l'Arménie au quatrième siècle, *Revue des études arméniennes*, n. s. IV (1966).

когда это приводит их к противоречиям³. Они игнорируют глубокое иранское влияние на армянское общество и институты и, за исключением первой части «Агафангела», предпочитают забыть, что армянские Аршакиды были последними и самыми яркими представителями парфянского легитимизма, противостоящими Сасанидским узурпаторам. Для нас неважно сейчас—точна ли эта картина для V столетия. Для нас важно только то, что она искажает действительность IV века, когда Армения не была единой, не была объединенной и не была чужда персидскому миру.

Современная наука, которая подчеркивает, что эти средневековые авторы были духовными лицами и как таковые являлись проводниками точки зрения церкви, подводит нас к предвзятому, унаследованному от XIX века и подсознательно усвоенному взгляду на разделение церкви и государства. Более того, несмотря на точное знание того, что эти историки были связаны с отдельными нахарарскими домами и их интересами, мы все же читаем их работы как «Истории» Армении, вкладывая географический и национальный смысл в этникон «Հայք». Мы поступаем так, хотя понятие нации в настоящем смысле не существовало в средние века ни на Востоке, ни на Западе.

В связи с этими трудностями, которые продолжают мешать нашему пониманию этого критического периода армянской истории, особенно важным становится вопрос методологии и, тем более, вопрос постановки проблемы.

Не возникает вопроса, разумеется, о пересмотре всей принятой терминологии в настоящей статье. Я возьму в качестве примера лишь два важнейших термина «Армения» и «верность» не столько в том смысле, который ныне принят в науке, сколько в том, который, может быть, вкладывали в него современники.

Подробный анализ «Армении в эпоху Юстиниана» Николая Адонца показывает, что в начале IV века «Армения» состояла из отдельных политических образований: на севере—царство Аршакидов, столица которого была перенесена из Арташата в Двин; на юге—автономные сатрапии, которые вошли в орбиту римского влияния в результате договора 298 г. и приевфратская провинция Армения Минор, которая уже давно входила в империю. Позже, после раздела 387 г., эта картина еще более усложняется появлением Армения Interior, состоящей из се-

³ См. Փափուկի Բնագիրը, Պատմութիւն, III, XIV, V, XXVI—XXVII насчет взаимоотношений Григория Просветителя и Даниила Таронского и важности Аштинатской церкви. *Ibid.*, VI, VII, XVI.

⁴ Աշխարհայեցողութիւն, Պատմութիւն, I. Недооценивается важность перехода главенства Аршакидской семьи из Персии в Армению после воцарения Сасанидов. Хосров II не только был обязан отомстить за своего убитого родственника Артавана, ему также пришлось принять и продолжить традиции Иранского царского дома, признавать потомственные права и должности нахараров, которые препятствовали централизации государства, и подчиняться обычаям, находящимся в противоречии с новыми христианскими нравами.

верных заевфратских гаваров, которые стали частью империи по условиям нового договора⁵. Н. Адонц также отметил церковное разделение Армении на несколько сфер влияния и, в частности, чередование, если не соперничество католиков из дома Григоридов и Албианидов⁶.

Эти факты достаточно хорошо известны исследователям, и все же смысл их не всегда проявляется в научной интерпретации. Тенденция остается, и мы продолжаем представлять Армению как религиозное и политическое единство, как топоним с неизменным содержанием, отождествляемый с северным Аршакидским царством.

Наиболее ярким примером такого упрощения является представление о Евфратских сатрапиях только как о сателлитах Аршакидского царства. Такова версия армянских источников, которые никогда не признавали их существования, в то время как классические источники—как литературные, так и юридические—на это ясно указывают⁷. Со времени их включения в римский мир сатрапии были приняты империей как «*civitates foederatae liberae et immunes*», т. е. они были совершенно автономны до конца V в., если не до периода самого Юстиниана⁸. Только их внешняя политика должна была быть согласована с имперской, но их наследственные сатрапы возглавляли собственные военные контингенты, не платили ни налогов, ни податей, и в регалии, которые они получали из Константинополя, включались пурпурные туфли, символ царской власти⁹.

По римским юридическим нормам такие привилегии были прерогативами исключительно полностью суверенных государств. Получение этих привилегий сатрапиями в такое позднее время, как 298 г., т. е. в период, когда пресекались подобные центробежные тенденции, является самым ярким доказательством их важности в глазах Рима, несмотря на их сравнительно небольшую территорию. Соответственно мы не можем принять как аксиому, что сатрапии находились в зависимости от Аршакидского царства и, тем более, что они были ему подчинены.

⁵ Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана (СПб., 1908) = английский перевод *Armenia in the Period of Justinian* (Louvain-Lisbon, 1970), 7—74 (Ссылки в настоящей статье даются по англ. изданию). Toumanoff, С., *Studies in Christian Caucasian History* (Georgetown, 1963).

⁶ Н. Адонц, указ. соч., 269—275.

⁷ Ammianus Marcellinus, *libri qui supersunt*, XXX, I; Procopius, *de Aedificiis*, III, 1, 17; *Codex Justinianus*, 1,29,5; *Novella*, XXXI, 1,3.

⁸ Procopius, *de Aed.* III, I, 17—27; Toumanoff, ук. соч., 133, 170—172.

⁹ Procopius, *de Aed.*, III, I, 17—27; Toumanoff, ук. соч., 134, пп. 233—235, 174 п. 106. Об освобождении от податей см. также указ Софенскому сатрапу Гаддане, *Codex Theodorianus*, XII, 13, в котором говорится об *augur согонarium* (которое всегда было „*tipus voluntatis*“, *Ibid.*, XX, 13, I), но ни о чем другом. Положение сатрапий с этой точки зрения не изменилось до 496 г. или быть может до 502 г. Об этом и о положении *Armenia minor* см. Н. Адонц, указ. соч., 411 п. 33а; Toumanoff, ук. соч., 131—135, 171—175, 194—197; Jones, A., *The Later Roman Empire* (Norman, 1964), I, 158, 228—229, 281.

Несмотря на свое происхождение из царского парфянского дома, Трдат I также получил свою власть из рук римского императора¹⁰. Регалии царей Армении, может быть, и включали в себя жемчужную диадему персидских правителей, но она ничем не отличалась от той, которой удостаивались сатрапы в более поздний период¹¹. В отличие от сатрапий, в северной Армении вплоть до 185 г. стояли римские войска, и *magister militum* Траян и другие имперские офицеры находились при дворе армянских царей даже во время Папа¹². И, наконец, самое важное то, что, по свидетельству двух источников—армянского и классического,—Армянское царство продолжало платить подати Римской империи до 358 г., в то время как сатрапии более чем на полстолетия раньше получили полный податный иммунитет¹³. В глазах Рима, во всяком случае, неравенство их положения совершенно очевидно.

Мы не обязаны, разумеется, принимать точку зрения римлян, как целиком отражающую истинное положение вещей, и я не намерена умалять важность автономии Армянского царства Аршакидов в этот период. Вместе с тем, признание важной роли сатрапий с необходимостью влечет за собой и признание сложной политической картины в Армении IV столетия, упрощаемой в более поздних источниках. Возникает вопрос: не является ли изображение Меружана Арцруни, а также других нахараров, как предателей своего армянского сюзерена попыткой замаскировать независимую политику сатрапий? Признание их важной роли также объясняет в какой-то мере хорошо известное религиозное и культурное разделение «Армении» на греческую и сирийскую сферы влияния. Все это заставляет нас пересмотреть содержание, которое вкладывают в термин «Армения» современные источники: местные историки, письма Василия Кесарийского или «Церковная история» Евсевия¹⁴. И если считать сатрапии независимыми армянскими государствами, то возникает другой вопрос: не их ли раннее обращение в христианство (зафиксированное Евсевием), а отнюдь не христианиза-

¹⁰ Tacitus, *Annales*, XV, VI—XVII, XXIV—XXIX, XXXI; XVI, XXIII—XXIV. Dio Cassius, *Historia*, LXIII, I—VII. Записывающий тон письма Трдата III к Диоклетиану, приведенного ниже (см. примеч. 20), плохо согласуется с тезисом о полной независимости Armeniae Magnae.

¹¹ Cassius Dio, XXXVI, LII, 3. «τὸν μὲν γὰρ χιτῶνα τὸν μεσόμενον καὶ τὸν κἀνδύον τὸν ὁλοπορφύρεον ἐξέδω τὴν δὲ τιάραν τὸ «εὐαγγέλιον εἶχεν». Ср. Toumanoff, указ. соч., стр. 134, пр. 233—235.

¹² CIL, III, 6052 Vexillatio XV leg. Apollinaris стоял в Kalne-Polis (Կալնե-Քոլիս) в 185 г. Ясно из Павстоса Бюзанда (V, XXXII), что Римские войска стояли в Армянском государстве при Папе.

¹³ Մովսես Խորենացի, Պատմութիւն Հայոց, III, XXI; *Codex Theodosianus*, XI, I, I. См. также Garsoian, *REA*, n. IV, 304—305 и *Armeniacs*, 156—157.

¹⁴ St. Basile, *Lettres*, Y. Courtonne ed. (Paris, 1961) II, CXX 25—26. Не ясно, о которой «Армении» идет здесь речь, но весьма интересно, что это письмо адресуется Мелетию Антиохийскому и что по тону Василия можно подразумевать, что эта часть Армении была под юрисдикцией Антиохии и что Кесарийский епископ вмешивался здесь в дела своего коллеги. Eusebius Caesariensis, *Historia ecclesiastica*, XVI, XLVI, 2. «... καὶ τοῖς κατὰ Ἀρμενίαν ὁμοῦς περὶ μετανοίας ἐπιστέλλαι ὧν ἐπεσέσθην». См. также Н. Адонц, указ. соч., 270—271.

ция Армянского царства Аршакидов, породило представление об «Армении» как о первой христианской стране? В этом случае спорная дата христианизации Армении может получить новое истолкование¹⁵.

Второй термин, который я хотела бы здесь рассмотреть в его значении для армянской истории,— это «верность» (*fides*).

В важном отрывке из Аммиана Марцеллина, где оплакивается предание Армении в руки персов в 364 г., автор особенно возмущается, поскольку Аршак II всегда был предан Риму «...amic[us] nobis semper et fi[de]s»¹⁶. Эта верность Армении Риму подчеркивается также спранным эпизодом из «Истории» Павстоса Бюзанда, в котором притворные заверения Аршака II в преданности Шаһиуһру II чередуются с изъяслениями глубокой ненависти к царю царей¹⁷. Как я указывала ранее, армянские Аршакиды от воцарения Тирана в 338 г. до смерти Папа (если не позднее) следовали за всеми изгибами имперской арианской политики, что вовлекало их в открытый конфликт с патриархами дома Гргоридов, остававшимися непреклонными в своем Никейском православию, и, может быть, стоило жизни Папу¹⁸. Еще до крещения Армении письмо Трдата III Диоклетиану, сохранившееся в одной из греческих версий «Агафангела», выражает преданность армянского царя римскому императору не только в политическом, но и в религиозном смысле¹⁹.

Равным образом интересно отметить, что христианские епископы в Иране подчеркивают свою преданность Персидской державе, открывают свои соборы молитвами за благополучие зороастрийского государства и формально отмежевываются от учений западных отцов церкви, в то время как несторианство становится официальным вероисповеданием персидского христианства в начале V в.²⁰. Преследования христиан в Сасанидской империи начинаются не ранее 339 г.²¹ и затихают,

¹⁵ См. предыдущую ссылку о появлении христианства в сатрапиях к III веку, если не раньше. Я вернусь к проблеме соотношения сатрапий с крещением Армении в другой статье.

¹⁶ Amm. Marc. XXV, VII, 12; XX, XI, 1.

¹⁷ Φωκισμὸς Βυζαντινῶν, IV, LIV.

¹⁸ Garsolan. REA, nr. IV, 297—320.

¹⁹ Աղաթանգոս Vg; § 40, 6, G. Garitte „Documents pour l'étude du livre d'Agathange (Vatican, 1946), стр. 37. „Ο δὲ Τιβέρδιτης ἀντιγράψαι αὐτοῦ οὕτως: Ἀυτοκράτορι καὶ βασιλεῖ Ῥωμαίων Διοκλητιανῶ Τιβέρδιτης βασιλεὺς Μεγάλῃς Ἀρμενίας. Ἐκ νεαρᾶς ἡλικίας παρ' ὑμῖν τραφεὶς καὶ παιδευθεὶς, καὶ τῆς πατρικῆς βασιλείας ἐν τῷ γενόμενος, χαίρων τε τοῖς θεοῖς τοῖς ὁφείουσιν το ἡμέτερον κράτος ἀμα τοῖς ἐκ' ἐμῇ οὔσι, βδελύσσομαι δὲ τοὺς λεγόμενους χριστιανοὺς. Μᾶλλον οἱ προσφιλῆ μοι ὄντα Γρηγόριον τινα καππαδόκην παιδευθέντα τὰ τῶν χριστιανῶν δόγματα βασανίας θανάτῳ πικροτέρῳ παρέδωκα, ἐμβολῶν ἐν λαχῶ ἐνθα δράκοντας αἰκισσόντας τοὺς βουλομένους κατεσθίουσιν. Καὶ νῦν, δέσποτα βασιλεῦ, ὄρασθαι τὰ κελευσθέντα μοι μετὰ σπουδῆς τε καὶ προθυμίας. см. там же, 293, где комментируется тон и подлинность этого письма.

²⁰ Chabot, J. C. *Synodicon Orientale* (Paris, 1902), см. также Lahourt, J., *Le christianisme dans l'empire perse sous la dynastie sassanide* (Paris, 1904), 87—99, 119—125 и Christensen, A. *L'Iran sous les Sassanides*, 2-e ed. (Copenhagen, 1944), 270, 281.

²¹ Peeters, P. REA I/1 (1920) 26—27. Christensen, *ук. соч.*, 267.

во всяком случае для не-персов, около середины VI в.²² Богословы несторианской школы в Эдессе, закрытой императором Зеноном в 488—489 гг., предпочитают бежать из имперских владений и поселиться в Низибине под покровительством царя царей²³. Наконец, в армянских источниках акт предательства или даже поддержка персов почти всегда сопровождается отступничеством от христианства как в известных нам случаях с Меружаном Арцруни, Варазбаганом и Васаком Сюни, так и в притворном отступлении от христианской веры Вардана Мамиконяна и его соратников при дворе Яздигерда II²⁴.

Эти моменты ни в коей мере не являются результатом случайности. Наоборот, это является отражением понятия «верность» в значении, которое настолько присуще мировоззрению этого времени, что оно принимается как в православном Константинополе, так и в зороастрийском Ктесифоне.

При переходе Византии из языческого мира в христианский императорская власть только частично изменила свой религиозный характер. Император так же, как прежде, был pontifex maximus и даже сохранил этот титул до конца IV в., так и после Константина Великого стал isosapostolos, christomimetes, соправителем (in synbasileia) Христа²⁵.

Практически это означало, что император мог вмешиваться во все церковные дела. Он утверждал всех епископов после выборов, созывал и председательствовал на вселенских соборах даже до собственного крещения, как это было сделано Константином I в Никее в 325 г. и провозглашал доктринальные решения собора как эдикты. Юридически это давало возможность приравнивать религиозное несогласие к преступной деятельности и прибегать к соответствующему наказанию: к отрешению от должности и ссылке несогласных епископов, а также, согласно многократным постановлениям Codex Theodosianus и, особенно, Codex Justinianus,—к причислению еретиков к людям второго разряда (запрещать им государственную службу и ограничивать их гражданские права)²⁶. Идеологически это выражалось в официальной доктрине Евсевия Кесарийского, впервые высказанной в тридцатилетие Константина I и повторявшейся вплоть до конца империи «...как есть один Бог... так есть один царь». Этот взгляд уравнивал монотеизм с мо-

²² Christensen, *ук. соч.*, 268.

²³ Labourt, *указ. соч.*, 143—152.

²⁴ Փ ա լ ա ռ ի ի Բ ու լ զ ա ն զ, IV, XXIII—XXIV, XXXI, XLIII, LIV—LVIII; V, XXXVIII, XLIII и т. д. Ե զ ի ռ է, Պ ա մ ա ռ ի Բ ի Ն, III—IV; Ղ ա զ ա Ր Փ ա Ր Պ է Յ Ր, Պ ա մ ա ռ ի Բ ի Ն, XIX, XXVII—XXVIII, XXXI и т. д. Любопытно, что переход Васака с одной стороны на другую сопровождается переменой религии. См. Christensen, *ук. соч.*, 288.

²⁵ Dvornik, *Early Christian and Byzantine Political Philosophy* (Washington, 1966) II, 611; sqq; Setton, K. M. *Christian Attitude toward the Emperor in the Fourth Century* (New York, 1941). Ladner, G. „The Concert of the Image in the Greek Fathers and the Iconoclastic Controversy“ *Dumbarton Oaks Papers*, VII (1953) 2—22 и др.

²⁶ Codex Theodosianus, XVI, 5; Codex Justinianus, I, 5 и т. д. Эти постановления повторялись в более поздних сборниках, как например, в *Базиликах*.

нархией и превращал императора, заместителя Христа на земле, в икону божества²⁷.

Равным образом персидский царь царей, «брат солнца и луны», «сотворенный по образу богов»²⁸, конечно, не мог терпеть религиозной оппозиции в своем царстве. Но особенно интересно, что в отношении христиан он отождествлял вероисповедное несогласие с политической опасностью. В Иране не было никакого преследования христиан до принятия этой религии Византийской империей. Точка зрения царя царей ясно изложена в обвинении Шаһпуһра II, которая являлась предлогом для начала гонений: «Они живут на нашей земле, но разделяют взгляды Цезаря, нашего врага»²⁹.

Впоследствии сектанты, несториане из Эдесской школы или армяне-монофизиты, пользовавшиеся благосклонностью Хосрова II, становились приемлемыми для Персидского государства, как только их вероисповедание делало их *personaе поp gratae* в Византии и заставляло их искать покровительства царя царей от имперских преследований³⁰.

В этих условиях четкое разграничение между политикой и религией становится невозможным. Выступление религиозного характера, такое, как Энотикон Зенона в 482 г. с его попыткой играть на армянских религиозных чувствах, вызвало в качестве противодействия политическую уступку—дарование автономии Армении с назначением Ваана Мамиконяна в качестве марзпана приблизительно в 486 г. В середине V столетия были необходимы попытки силой обратить Армению, еще находящуюся в религиозном единстве с Византией, в зороастризм, од-

²⁷ Eusebius Caesariensis, „De laudibus Constantinī“, III, Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeco-Latina, XX, col. 1332A, „... διὸ δὲ εἰς θεός, 'αλλ' οὐ εἰς. οὐδὲ τρεῖς. οὐδὲ τὰς πλείονες... εἰς βασιλεὺς...“ После ее сформулирования эта доктрина неоднократно повторялась и утверждалась авторами вроде дьяка Агапета, она официально провозглашалась в предисловии Эклоги и еще повторялась в письме патриарха Антония князю Василию. См. Barker, E., *From Alexander to Constantine* (Oxford, 1955), его же, *Social and Political Ideas in Byzantium* (Oxford, 1958) и предыдущую ссылку.

²⁸ Письмо Хосрова I Ануширвана Юстиниану, Menander, „excerpta de legationibus“, GSHB (Вопп, 1829) 1,353“... Ср. с титулатурой Шаһпуһра I на Каабе Зартуштра и Christensen, ук. соч., 260.

²⁹ Labourt, ук. соч., 45—46; Christensen, ук. соч., 268.

³⁰ См. мою главу „The Cultural Relations of Byzantium and the Sasanians“ в III томе *Cambridge History of Iran* (находится в печати). Благосклонность Хосрова II Апарвиза к монофизитам подчеркивается всеми источниками. Она была настолько ярко выражена, что Асолик утверждает, что царь царей приказал закрыть православные (т. е. халкедонитские) церкви и придерживаться армянской веры. «Ամենայն քրիստոնեայք, որք ընդ իմով իշխանութեամբ են հաստ զՀայոց կայսրին, Ստեփանոսի Տարօնեցւոյ Ստեփան, Պատմութիւն Տիեզերական (СПб., 1885) 95—97 (мое внимание на это интересное постановление Хосрова было обращено В. А. Арутюновой, за что я ей искренне благодарна). Эта политика Хосрова, безусловно, явилась ответом на попытку императора Маврикия обратить Армению в халкедонитство с учреждением анти-католикосата Иоанна Багаранского в 591 г.

нако, через полтора века монофизитская Армения уже лояльно поддерживала Хосрова II против восставшего Вахрама Чобена³¹. В таком мире ничто не отделяет ересь, а тем более отступничество, от предательства, и термин «верность» обязательно носит не только политический, но и религиозный характер.

Итак, новое понимание терминов может иметь серьезное значение и для интерпретации истории Армении IV века. Возможно, оно поможет пересмотреть установившееся представление о прошлом.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ IV դ. («ՀԱՅԱՍՏԱՆ» և «ՎԱՍՏԱՐՄՈՒԹՅՈՒՆ» ՏԵՐՄԻՆՆԵՐԻ ՃՇԳՐՄԱՆ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՋ)

Ն. Գ. ԳԱՐՍՅԱՆ

Կոլումբիայի համալսարանի պրոֆեսոր (ԱՄՆ)

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Ուշ արշակունյաց շրջանի Հայաստանի պատմության ուսումնասիրությանը դեռևս խոչընդոտող դժվարություններն ու հակասությունները բերում են այն եզրակացության, որ որոշ հասկացությունների վերանայումը կարող է օգտակար լինել և նոր արդյունքներ տալ: Մասնավորապես, այն իմաստը, որ այդ շրջանով դրադվող ժամանակակից պատմաբանների մեծ մասը դնում է որոշ տերմինների հիմքում, կարիք ունի վերանայման, այն առումով, որ այդ տերմինների իմաստը մոտեցվի ժամանակին նրանց արվող իմաստին:

Որպես այդպիսի վերագնահատման օրինակ վերցված է այն ժամանակների պատմության համար էական երկու տերմին՝ «Հայաստան» և «Հավատարմություն»: «Հայաստան» հասկացությունը աշխարհադրական բարձր նշանակություն ունի և իր մեջ ներառում է ոչ միայն Արշակունյաց հյուսիսային թագավորությունը, այլև հարավի ինքնավար սահարպությունները: Իսկ «հավատարմության» տերմինը IV դարում, հավանաբար, ունեւ ինչպես կրոնական, այնպես էլ քաղաքական իմաստ (ընդ որում, ոչ միայն Հայաստանում, այլև Սասանյան Իրանում և Բյուզանդական կայսրությունում):

³¹ Սերէոս, Պատմութիւն, IX, несмотря на разногласие гл. X, которое может быть последствием традиционно грекофильской политики Мамиконянов. См. также Christensen, ук. соч., 283—88.